

Среди многих и разнообразных плодов, произрастающих в садах нашей родины, самым русским я назвал бы антоновское яблоко. Оно зреет неторопливо, да зато вбирает в себя всю прелесть родной природы.

*В нем качает осень на весу
Лета отпылавшего красу.
Только прикоснись к нему, и вдруг
На тебя пахнет ромашкой луг,
Теплый ветер с поля принесет
Запах хлеба и медовых сот.*

На нем лежит и загар июльских полдней, и отсвет августовских зорь, а изнутри пробивается таинственный свет сентябрьской луны. Его летняя сладость умерена осенней кислинкой, и оно может пролежать в соломе целую зиму, не утратив ни аромата, ни вкуса.

Вот таким же кажется мне и полновесное русское слово. Найдя это слово, я не могу отделаться от желания взять его в ладони и разломить пополам, чтобы в лицо брызнул шипучий сок, в котором смешались все запахи родных полей и лесов. Такие слова, как отборные плоды, надо самому снимать прямо с ветвистого, широкошумного дерева родного языка, не надеясь, что кто-то другой подаст тебе его, не довольствуясь теми, что сами падают к ногам. Падают только недозрелые, тронутые червоточинной плоды.

В богатейшем наследстве, оставленном нам предками, может быть, самое драгоценное — язык. «Без языка и колокола нем» — говорит народная русская пословица. А язык начинается со слова.

Человеку становится понятным и доступным лишь то, что названо словом, получило имя. Народ творит язык, осваивая мир и познавая себя, а мастера обрабатывают его, придают ему блеск и гибкость.

Мастерами слова в древней Руси были не только монахи и летописцы, переводчики и «списыватели» книг, составители сборников поучений и наречений, именовавшихся то «Цветочниками», то «Пчелами». Ими были также и дружинные певцы, и бродячие скоморохи. Они-то и закладывали основы золотых запасов русского слова.

Вот почему в стремлении постичь тайны родного языка, его глубинные корневые связи, мы всегда и неминуемо будем обращаться как к летописям, так и к героическим былинам и к былинам скоморошным. Я уже не говорю о «Слове о полку Игореве». Без того, что накоплено там, был бы немислим поистине невиданный расцвет русской литературы в XIX веке, языковыми сокровищами которой пользуемся мы, и будут пользоваться наши потомки.

Каждое время вносит в сокровищницу языка свою лепту, свой вклад. Слово, порожденное духовной жадностью народа и жившее в свое время полноправной жизнью, может устареть, но не может умереть. Выйдя из ежедневного обихода, оно отправляется в заповедные запасники, откуда может быть извлечено в любой день и час. Вспомним, как по-новому зазвучало старинное русское слово «шлем» в годы гражданской войны.

В языке обретает бессмертие весь опыт народа, вся его история. О русском языке очень хорошо сказал Ярослав Смеляков: «Ты, пахнувший прелой овчиной и дедовским острым кваском, писался и черной лучиной и белым лебяжьим пером. Ты — выше цены и расценки — в году сорок первом, потом — писался в немецком застенке на слабой известке гвоздем. Владыки и те исчезали мгновенно и наверняка, когда невзначай посягали на русскую суть языка».

Богатства нашего языка так велики и так разнообразны, что не вмещаются ни в какие словари. Ни в одном из них я не нашел бытующего до сих пор у нас на Смоленщине чудесного слова «сутоки», что означает место слияния двух рек. Впрочем, этого слова даже объяснять не надо. Его смысл передается самим родниковым, глубинно славянским звучанием: су-токи. Оно само просится в стихи, хотя и не узаконено словарями.

Нет в словарях и слова «расстреться», означающего приблизительно то же самое, что и разминуться в пути. Но только приблизительно. Расстреться значит желать встретиться, иметь такую возможность и все-таки разминуться. Я сам долгое время считал это слово местным, смоленским, но оказалось, что его знал и Николай Асеев, выросший в курских краях:

*Синий глазок да пестрый платок
Встретились и расстрелись.*

В толковании слов тоже не всегда можно полагаться на словари. Недавно в книге одного широко известного поэта я встретил строчку: «Чудесно — писать на березовом лыке». Прочел — и не поверил своим глазам. Я с детства знаю, что такое лыки, сам драл кору молодых лип на лапти. Заглянул в словарь Даля, а там черным по белому написано: «Молодой дуб, подкорье со всякого дерева». Но тут даже и Даль не убедил меня. Я думаю, что он-то и спутал автора, человека сугубо городского. Выросший в деревне, в непосредственной близости к природе, человек никогда не назовет бересту лыком. Точно так же он никогда не скажет, что кукушка поет или что кукушка кричит. Для него она только кукует. Пренебрежение к подобным тонкостям способно разрушить целостность поэтического впечатления даже в произведениях крупных мастеров слова. Так, одна неточная строчка испортила хорошее стихотворение А. К. Толстого:

*Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.*

Мне по душе многие исторические баллады и стихи о русской природе этого поэта, но кричащая кукушка терзает мой слух. Зато кричащие гуси у Ивана Бунина меня просто потрясают:

*Ливень свергался на крышу полночного дома.
И металлически страшно, в дикой печали,
Гуси из мрака кричали.*

В студенческие годы я был очень удивлен, когда читавший нам курс современного русского языка профессор В. Ф. Чистяков, приведя выражение «не видно ни зги», сказал, что ученые-лингвисты до сих пор не могут сойтись в толковании слова «зга». Одни утверждают, что это колечко под дугой, к которому прикрепляется колокольчик; другие считают, что это стезя, стезинки; третьи говорят, что это кроха, капля, искорка, вообще — самая малость чего-нибудь.

Я слово «зга» знал с детства. Оно для меня накрепко связано с загнеткой, тем местом в русской печи, куда загребают жар. Я хорошо помню, как, припозднившись вечером вздуть огонь, наша соседка Танька Сорочка приходила в сумерки с горшком взять угольков и как моя бабка Марья, суровая хранительница домашнего огня, отчитывала ее:

— Ну какая ты хозяйка, если у тебя в загнетке к вечерку ни зги не остается.

— Тебе хорошо,— отвечала Сорочка,— у тебя дрова березовые, а у меня одна осина, да и та трухлявая. Какой от нее жар.

Но мне никогда не приходилось слышать, чтобы та же Сорочка, приходя одолжиться мучицей, сказала, что у нее в сусеке нет больше ни зги,

или что у детей с утра во рту зги не было. Однако она каждый раз повторяла, что нет зги во лбу у ее мужа Данилы. Вот так в мою детскую душу и запала эта самая зга, эта искорка любви к исконному русскому слову. И когда при мне говорили — загинал человек, я сразу же представлял, что он затерялся, погас, как искорка в остывшей золе загнетки.

Я рассказал все это своему профессору, придя к нему сдавать зачет, и он тут же, не спрашивая больше ни о чем, поставил мне четверку, сказав, что на пятерку не знает современного русского языка и сам. А ученые-лингвисты, видимо, так и не пришли к согласию в толковании этого пришедшего к нам из вековых далей слова. Во всяком случае, в современных словарях нет даже и попытки объяснить его. И Ушаков и Ожегов объясняют нам лишь смысл самого выражения «не видно ни зги».

Я отношусь со всяческим уважением к словарям. Однотомные и многотомные, старые и новые, они занимают почетные полки в моих книжных шкафах. Для меня нет большего удовольствия, чем взять на досуге том того же Даля, открыть его наугад и читать, по счастливому выражению Маршака, «древнюю рассыпанную повесть». Случается заглядывать в словари и во время работы, чтобы проверить значение какого-нибудь забытого или полузабытого слова. Но садиться за стол, обложившись книгами, на мой взгляд, то же самое, что, по народной пословице, кормить собак, собравшись на охоту. Колоритные словечки, на скорую руку надерганные из словарей, не могут прикрыть языковой бедности.

*Кто по росе не замочил колена,
Не ел кулеш, что варят косари,
Тот не почует свежести зари
В клочке сухого летошнего сена.*

Чувство слова у писателя неразрывно связано с чувством жизни, с глубиной ее познания. Я никогда не поверю, что пишущий серым, невыразительным языком литератор хорошо знает жизнь. По всей видимости, знания у него такие же стандартные, как и язык. Не так давно сотрудник одного солидного московского издания, сам литератор, автор нескольких книг прозы, доказывал мне, что слова «утренник» в смысле утреннего заморозка, в русском литературном языке нет. Он знал его только в одном значении — утренний спектакль. Словаря под руками не оказалось, и я должен был призвать в свидетели Бунина, привести его строчку: «Первый утренник, серебряный мороз».

Вскоре после войны, впервые почувствовав себя литератором-профессионалом, я завел две объемистых тетради для записей по языку. В первую из них я решил собирать материалы для своего личного поэтического словаря, во вторую заносить местные народные речения, пословицы, поговорки, загадки, всякого рода приметы.

Со словарем у меня дело не пошло. Я переписал в тетрадь двести с чем-то слов и остыл к этому занятию, лишний раз убедившись, что запавшие в душу слова записывать не надо, а те, которые притянуты насильно, вряд ли когда пригодятся. Спрятав тетрадь в шкаф, я больше к ней не возвращался и даже ни разу не заглянул в нее за минувшее десятилетие.

С пословицами получилось совсем по-иному. В одну зиму, отказавшись от чтения беллетристики, я проштудировал сборники Снегирева, Иллюстрова, Даля, Ермолова, Садовникова. Начав выписывать только то, мимо чего нельзя было пройти, я уже не мог остановиться. Одной тетради мне, конечно, не хватило. Я взял другую и исписал ее от корки до корки. И вот эти тетради были у меня под рукой все годы.

Я совсем не поклонник тех писателей, у которых герои по любому поводу сыплют пословицами да поговорками, притчами да загадками. Хороша пословица, если она к месту молвится, к делу приходится. И в свои тетради я заглядывал не для того, чтобы найти там что-нибудь подходящее для себя, а чтобы уберечься от многословия, не поддаваться соблазну

литературной красоты. В отцединах народной музыки нашли выражение лучшие свойства русского языка, его точность и емкость, его звучность и живописность, позволяющие сказать о многом немногими словами, предельно кратко выразить мысль, одним-двумя штрихами создать цельный образ. Вот, к примеру, высшая похвала девушке, которую каждый жених мечтает ввести в свой дом:

*Чиста, личиста,
В работе сноровиста
Да и на разговор речиста.*

Народ не терпит пустозвонства, но знает цену полнозвучного слова, любит радостную игру его оттенков:

*Семь корчаг
В горах торчат,
Одно корыто
В берегу зарыто.*

Кстати сказать, скользящие рифмы, считающиеся изобретением новейших поэтов, в русских пословицах и загадках встречаются на каждом шагу:

*Дети-почаски,
Ездят из одной чашки.*

Или

*Лошадь быстра,
Да не уйдет от хвоста.*

А вот загадка, которая могла бы стоять, как совершенно законченное стихотворение, в книжке самого ультрасовременного поэта, хотя речь в ней идет о сугубо традиционном караване: «Коловато, Ноздревато, И губато, И горбато, И кисло, И вкусно, И кругло, И грузно, И черно, И бело, И всем людям Мило».

Народные пословицы и поговорки, загадки и притчи дают, может быть, наиболее убедительный ответ на мучающий каждого, кто берется за перо, вопрос, что такое лучшие слова в лучшем порядке.

Я далек от мысли делить слова на поэтические и прозаические, праздничные и будничные. Всякое слово хорошо на своем месте. И все же есть слова, несущие большую, чем другие, смысловую и эмоциональную нагрузку. Я, например, очень люблю слово «росстани». Люблю не столько за его звучание, хотя звучит оно великолепно, сколько за богатство его смысловых оттенков, за поэтический дух связанных с ним народных примет и поверий. Если перекресток для меня только пересечение двух дорог, то росстани — это место встреч и расставаний, где либо исполняются заветные желания, либо совершается неотвратимый закон судьбы. Они перекликаются с не менее поэтическим рассказом, где избирали свой жребий сказочные витязи: поедешь прямо — домой не вернешься, повернешь направо — волк коня съест, налево — сам умрешь. А сколько таких слов в русском языке, особенно в языке деревни, связанных с земледельческим трудом и его календарем — месяцесловом. Межень, пролетье, осенины, чернотроп, зазимок, первопуток — каждое из этих слов оставляет на губах свой неповторимый привкус. Конечно же, оставляет у того, для кого оно не пустой звук. Кому осенины всего-навсего день встречи осени, а для меня это общий праздник человека и природы, когда даже воробей пиво варит.

Чем глубже уходят корни слова в народную почву, тем оно богаче и тем дороже для нас.

Естественное, закономерное обновление языка происходит не путем вытеснения таких слов, как росстани, а путем рождения других, обозначающих иные, прежде неизвестные понятия. Росстани и железно-

дорожный разъезд мирно уживаются рядом. А когда вместо того чтобы сказать «деревня» или «село», говорят «населенный пункт», озеро называют водоемом, доски пиломатериалом, это не обновление, а казенно-бюрократическое искажение языка.

Русский язык воистину велик и могуч. Могуч как тот дуб, к которому, по народной пословице, смола не пристанет. Но загрязнить его все-таки может, а допускать этого мы не имеем права. Бесценный дар предков, чувство языка, как и чувство родины, переходит по наследству от поколения к поколению, впитывается с молоком матери, но его надо воспитывать, и воспитывать с детства.

Познание отечества начинается с познания языка. Я глубоко благодарен своим учителям за то, что они учили меня не только пользоваться словом, но и любить его звучание, ощущать его вкус и запах, брать в ладони, как антоновское яблоко, — полновесное, налитое лучшими соками родной земли. Это осталось у меня на всю жизнь.